

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ТАИНСТВО СЛОВА И ОБРАЗА

Сборник материалов
научно-богословской конференции,
посвященной 1160-летию со дня возникновения
славянской письменности
24–25 ноября 2022 года



Сергиев Посад
2023

DEPARTMENT OF PHILOLOGY
OF THE MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY

**MYSTERY
OF WORD AND IMAGE**

Proceedings
of the Scientific Theological Conference
dedicated to the 1160th Anniversary
of Slavic Writing
November 24–25, 2023



Sergiev Posad
2023

УДК 21
ББК 86.2
С23

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р00-000-0000

По благословению
Преосвященнейшего Кирилла,
епископа Сергиево-Посадского и Дмитровского,
ректора Московской духовной академии

Ответственный редактор: Гуревич Каролина Игоревна,
научный сотрудник
кафедры филологии

Редакционная коллегия: проф. В. М. Кириллин
проф. М. С. Крутова
доц. свящ. Дмитрий Барницкий
доц. С. В. Бурмистрова
доц. Д. В. Макаров

С23

Сборник Таинство слова и образа: сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии 24–25 ноября 2022 г. — Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2023. — 000 с.

ISBN 000

© Московская духовная
академия, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений

I. ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Наталья Ефимовна Афанасьева

Многозначность поэтического слова в контексте семантических констант славяно-византийской гимнографии

Татьяна Евгеньевна Зинкевич

Образы святых жен в житиях прпп. Симеона Столпника и Симеона Дивногорца (на материале ОР РГБ)

Лариса Евгеньевна Ильина

Объем и содержание понятий «святотатство», «богохульство», «кощунство» в русском языке

Людмила Борисовна Карпенко

Древнецерковнославянская письменность в исследованиях отечественных палеославистов: начальный этап

Сергей Александрович Колесников

Русская Церковь и военная литература Московского царства

Юлия Викторовна Коренева

«Святыня»: история слова и его функционирование в русском религиозном тексте

Прот. Сергей Ларюшкин

Особенности использования агиографического контекста в русской гимнографии в диахроническом аспекте (на примере богослужебных текстов мучеников)

Татьяна Евгеньевна Лебедева

Источники текстов краткой и пространной редакции Жития Антония Дымского

Наталья Вениаминовна Макшанцева

Формирование духовно-нравственного мира личности (на примере концепта «милосердие»)

Валерий Александрович Мишланов

К истории полипредикативного синтаксиса
в древнецерковнославянском языке

Свящ. Иннокентий Семёнов

Риторический аспект проповедей протоиерея Иоанна Восторгова в предреволюционный период русской истории (1906—1917 гг.)

архимандрит Симеон (Томачинский)

Служба святому царевичу Димитрию Угличскому как пример историографической концепции в гимнографии

Антон Владиславович Щепёткин, диакон

«Канон о грехе» в «Рязанском служебнике»

II. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Тамара Павловна Баталова, Галина Всеволодовна Федянова

«Я воле Господа покорна»: к проблеме личности героев романа
Ф. М. Достоевского «Бедные люди»

Владимир Алексеевич Воропаев

«Этот необыкновенный лиризм...»: церковнославянский язык
в творчестве Н. В. Гоголя

Татьяна Валерьевна Дмитриева

Репрезентация религиозного дискурса в поэзии И. А. Бродского
(словообразовательный аспект)

Протоиерей Александр Зуев

К вопросу о научном интересе изучения религиозно-философского творчества Ф. М. Достоевского

Олег Васильевич Зырянов

Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка «Последние огоньки»: духовно-религиозный аспект авторской футурологии

Геннадий Юрьевич Карпенко

К вопросу об антропологической иерархии в творчестве Ф. М. Достоевского

Ольга Александровна Ковыршина

Роль библейского образа-символа в повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» и в рассказе И. А. Бунина «Чаша жизни»

Александр Степанович Кондратьев

Оппозиция Закона и Благодати в духовном опыте лирического героя А. С. Пушкина

Светлана Александровна Краснопёрова

Традиция библейского пророчества в стихотворении «Пророк» М. Ю. Лермонтова: опыт построчного анализа

Евгений Григорьевич Малюта

Личное среди типового: история одной виршевой молитвы князя Симеона Шаховского

Галина Владимировна Мосалёва

Юродивый герой и слово о нём в рассказе Н. С. Лескова «Левша»

Полина Вадимовна Пороль

Бытие и небытие в поэзии К. Бальмонта

Анастасия Евгеньевна Чернова

Христианские сюжеты и образы современной поэзии на военную тему

Екатерина Александровна Щепалина

Ф. М. Достоевский о природе героизма (на материале «Дневника писателя»)

Евгения Константиновна Щербакова

Образ православного Оренбуржья в произведениях писателей XIX — начала XX вв.

III. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА

**Николай Сергеевич Артёмов, Александр
Владимирович Загуменнов**

Прототип теологической модели понимания светских текстов

Розалия Моисеевна Рупова

Европейская культура как расширенный комментарий к Священному Писанию: герменевтический аспект

Светлана Валентиновна Герасимова

Новозаветный культурный код и китайский дракон

CONTENTS

List of Abbreviations

I. HISTORY OF CHURCH SLAVONIC LITERATURE AND LANGUAGE

Natalya E. Afanasyeva

Polysemy of the Poetic Word in the Context of Semantic Constants
of Slavic-Byzantine Hymnography

Tatiana E. Zinkevich

Images of Holy Women in the Lives of St. Simeon the Stylite and Simeon
the Divnogorets (Based on the Material from the Manuscript Department
of RSL)

Larisa E. Ilyina

The Scope and Content of the Concepts of “Sacilege”, “Blasphemy”,
“Blasphemy” in Russian Language

Liudmila B. Karpenko

Ancient Church Slavic writing in the Research of Russian Paleoslavists:
the Initial Stage

Sergey A. Kolesnikov

The Russian Church and the Military Literature of the Moscow Kingdom

Yuliya V. Koreneva

“Shrine/Holiness”: the History of the Word and its Functioning
in the Russian Religious Text

Priest Sergiy Laryushkin

Peculiarities of Using Hagiographical Context in the Russian Hymnography from Diachrony Angle (Based on the Texts from the Books of Church Services Related to Martyrs)

Tatiana E. Lebedeva

Sources of Texts for the Short and Extensive Editions of the Life of Anthony Dymisky

Natalia V. Makshantseva

Formation of the Spiritual and Moral World (on the Example of the Concept of “Mercy”)

Valeriy A. Mishlanov

On the history of polypredicative syntax in the Old Church Slavonic language

Priest Innokentiy Semenov

The Rhetorical Aspect of the Sermons of Archpriest John Vostorgov in the Pre-Revolutionary Period of Russian History (1906–1917)

Archimandrite Symeon (Tomachinskiy)

The Service to St. Dimitriy of Uglich as an Example of Historiographic Conception in Hymnography

Anton V. Shepetkin

“The Canon about the Sin” in the Ryazan Service Book

II. RELIGIOUS PROBLEMATICS IN RUSSIAN LITERATURE

Tamara P. Batalova, Galina V. Fedianova

I am Obedient to the Will of God: to the Problem of Personality of Heroes in the Novel by F. M. Dostoevsky “Poor People”

Vladimir A. Voropaev

«This Extraordinary Lyricism...»: The Church Slavonic Language
in the Works of N. V. Gogol

Tatjana V. Dmitrieva

Representation of Religious Discourse in the Poetry of I. A. Brodsky
(Word-Formation Aspect)

Priest Alexander Zuev

On the Question of the Scientific Interest in Studying the Religious
and Philosophical Writings of F. M. Dostoevsky

Oleg V. Zyryanov

Essay by D. N. Mamin-Sibiryak “The Last Lights”: Spiritual
and Religious Aspect of the Author’s Futurology

Gennady Y. Karpenko

On the Issue of Anthropological Hierarchy in the Works
of F. M. Dostoevsky

Olga A. Kovyrshina

The Role of the Biblical Image-Symbol in the Story of M. M. Prishvin
“The Worldly Cup” and in the Story of I. A. Bunin “The Cup of Life”

Alexander S. Kondratiev

The Opposition of Law and Grace in the Spiritual Experience
of the Lyrical Hero of A. S. Pushkin

Svetlana A. Krasnoperova

The Tradition of Biblical Prophetism in the Poem “The Prophet”
by M. Yu. Lermontov: an Experience of Line-By-Line Analysis

Evgeniy G. Malyuta

The Personal among the Typical: the Story of One Verse Prayer
by Prince Simeon Shakhovskiy.

Galina V. Mosaleva

The Fool Hero and the Word about Him in N. S. Leskov's Story
"Lefty"

Polina V. Porol

Being and non-being in the poetry of K. Balmont

Anastasia E. Chernova

Christian Plots and Images of Modern Poetry on a Military Theme

Ekaterina A. Shchepalina

F. M. Dostoevsky about the Nature of Heroism (on the Material
of "A Writer's Diary")

Evgeniya K. Shcherbakova

The Image of the Orthodox Orenburg Region in the Works of Writers
of the XIX–XX Centuries

III. ISSUES OF THEORY AND METHODOLOGY
OF TEXT INTERPRETATION

Nikolay S. Artemov, Alexander V. Zagumennov

A Prototype of the Theological Model of Understanding Secular Texts

Rozalia M. Rupova

European Culture as an Extended Commentary on the Holy Scriptures:
A Hermeneutical Aspect

Svetlana V. Gerasimova

The New Testament Cultural Code and the Chinese Dragon

ЮРОДИВЫЙ ГЕРОЙ И СЛОВО О НЁМ В РАССКАЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА «ЛЕВША»

Галина Владимировна Мосалёва

доктор филологических наук
профессор кафедры истории русской
литературы и теории литературы
Удмуртского государственного университета
426076, Ижевск, ул. Удмуртская, 1
mosalevagv@yandex.ru

Для цитирования: *Мосалёва Г. В.* Юродивый герой и слово о нём в рассказе Н. С. Лескова «Левша» // Таинство слова и образа: сборник материалов научно-богословской конференции кафедры филологии Московской духовной академии 24–25 ноября 2022 г. Сергиев Посад: МДА, 2023. С.—. DOI:

Аннотация

УДК 2–29

В статье обращается внимание на поэтизацию Лесковым феномена юродской святости, воплощенной в образе Левши, и на влияние этого феномена на авторское повествование о герое. Туляки-оружейники предстают как мастера-ювелиры, противопоставляющие хитрости английских мастеров чудесное художество, появившееся на свет в результате соборной молитвы оружейников и их последующего труда. Религиозный характер труда тульских мастеров выступает у Лескова на первый план. Сам сюжет Левши развивается наподобие агиографического, а вероисповедный разговор Левши с англичанами Лесков изображает как главное событие рассказа, где вера героя является абсолютной ценностью, противостоящей всем доводам рассудка. Поэтическая образность «Левши» проистекает из синтеза преломленных в рассказе Лескова письменных церковных жанров (житие, религиозный экфрасис, хождение), устных (сказ, легенда, сказка) и свойств церковно-книжного канона.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «Левша», юродство, повествование, церковно-книжный канон

The Fool Hero and the Word about Him in N. S. Leskov's Story "Lefty"

Galina V. Mosaleva

Doctor of Philology,

Professor at the Department of History

of Russian Literature and Theory of Literature

at the Udmurt State University

426076, Izhevsk, Udmurt str. 1

mosalevagv@yandex.ru

For citation: Mosaleva, Galina V. "The Fool Hero and the Word about Him in N. S. Leskov's Story "Lefty"". *Proceedings of the Scientific Theological Conference «Mystery of Word and Image» (November 24–25, 2022)*, Sergiev Posad: Moscow Theological Academy, 2023, pp. — (in Russian). DOI

Abstract. Leskov emphasizes the religious nature of the work of Tula masters. The plot of Lefty itself develops like a hagiographic one, and Leskov depicts Lefty's religious conversation with the British as the main event of the story, where the hero's faith acts as an absolute value, opposing all arguments of reason. The poetic imagery of "Lefty" stems from the richness of the written church genres (life, religious ecphrasis, walking), oral (fairy tale, legend, fairy tale) and the properties of the church-book canon refracted in Leskov's story.

Keywords: N. S. Leskov, "Lefty", foolishness, narration, church-book canon

«Левша», включенный Лесковым в цикл «Праведники» и состоящий из десяти рассказов («Однодум», «Пигмей», «Кадетский монастырь», «Русский демократ в Польше», «Несмертельный Голован», «Инженеры-бессребреники», «Левша», «Очарованный странник», «Человек на часах», «Шерамур»), занимает седьмую позицию в цикле, располагаясь между «Инженерами-бессребрениками» и «Очарованным странником». Уже названия этих рассказов сразу же бросались в глаза, так что большинство критиков связывало их со стремлением писателя «пооригинальничать»: «...названия нисколько не простые, и которые иной раз Бог знает, что значат»¹.

Почти все герои этого цикла предстают неотмирными, блаженными, юродивыми, как и истории о них. Сама «праведность» лесковских героев выступала как вызов. Не исключением был и Тульский косо́й левша. Рассказ о нем Лесков опубликовал впервые в Литературном отделе газеты «Русь» в 1881 году в №№ 49–51 под заголовком «Сказ о Тульском (выделено — Г. М.) косом левше и о стальной блохе (цеховая легенда)». Редактором-издателем газеты «Русь» был И. С. Аксаков — один из лидеров восточников, или славянофилов. Фактом публикации в аксаковском издании Лесков недвусмысленно выражал свои симпатии к «русскому направлению», что после публикации рассказа не преминули припомнить Лескову представители «прогрессивной» критики.

При первой публикации рассказа Лесков в примечании к нему уверил читателя в том, что он «записал эту легенду в Сестрорецке» от одного оружейника. Однако, чуть позже в заметке «О русском левше (Литературное объяснение)», опубликованной в газете «Новое время» 11 июня 1882 года, Лесков сообщил, что «весь» этот рассказ «сочинил в мае месяце прошлого года (1881), и левша есть лицо мною выдуманное», что это «не легенда, а шутка или прибаутка» русского человека «над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость»².

¹ Введенский А. И. Современные литературные деятели. Николай Семенович Лесков // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 397.

² Лесков Н. О русском левше (Литературное объяснение) // Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М., 1958. С. 219–220.

Лесков согласился с критиками, что в образе Левши, возможно, отразилась его «обобщающая мысль» о русском народе, но категорически отверг как мнение критиков об унижении народа образом Левши, так и мнение о лести ему. Ссылка на записанную легенду в дальнейших публикациях исчезает, а указание в заглавии рассказа на два жанра повествования (на сказ и цеховую оружейную легенду) остаются. Обе предполагают устную форму и существование народного рассказчика, дистанцирующегося от литературной речи. Помимо этих двух жанров, в «Левше» проявляются свойства сказочной поэтики, где сам герой предстает как Иванушка-дурачок, чудесным образом переместившийся из волшебного в историческое пространство. Все три жанра (сказ, легенда, сказка) как элементы жанровой литературной игры-стилизации Лескова способствуют символизации героев, их художественному абстрагированию. По степени символизации образ *Тульского косоного левши* предельно близок иконичному образу Памвы — символу православной святости. Образ Тульского косоного левши тоже символизирует святость, но не канонически изображенную, а с точки зрения секулярного сознания, «безумную» — юродскую.

Внешний облик Левши в полной мере соответствует юродливому: помимо того, что он «косой» и «левша», у него «на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны»³. Как «дурака» Левшу поначалу воспринимает и Платов: «Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил»⁴.

Некоторые критики связывают физическую «дефектность», «поврежденность» героя исключительно с миром нечистой силы⁵, хотя эта «связь» в сюжете «Левши» никак не поддерживается. А вот юродство героя служит предметом изображения до самого финала. «Левизна» и является у Лескова символом юродской святости. В «юродском» виде, «как он есть», Левша входит к государю:

³ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 197.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ См., к примеру: Кучерская М. Лесков: Прозванный гений. М., 2021. С. 437–438.

«Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, по-растеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится», да еще и «тугамента» нет⁶.

Органичным языком рассказа о святом туляке и явилась юродствующая речь лесковского рассказчика, соответствующая герою-юроду⁷.

История о баснословном левше со временем превратилась в народный миф, точнее, в миф о народе, противопоставившем стальной блохе как западной технической «пустяковине» (хитрости) *артистическую удаль* (художество) русского мастера.

В рассказе Лескова сталкиваются английская машинная цивилизация и русский гений-самоучка, изготовивший «изделие» как ему Бог на душу положил. «Хытрость» английских мастеров пресекалась мастерством тульских оружейников, остановившим механические «дансе» и «верояции» английского изделия. В сюжете лесковского «Левши» оказалась реализована установка древнерусского книжника на художество в передаче слова⁸.

Тульские оружейники не сразу приступают к работе, а «подумавши и с Божьим благословением»⁹. Рассказчик характеризует туляков как людей, сведущих и «в металлическом» деле, и как первых знатоков «в религии», наполняющих славою и «родную землю» и «святой Афон». Три тульских мастера совершают паломничество перед важной работой, как отмечает рассказчик, не в Москву и Киев, а в уездный город Мценск, к «камнесеченной иконе» чудотворца Николая Мирликийского, приплывшей «в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше»¹⁰.

⁶ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 205.

⁷ Мосалева Г. В. Феномен юродства в «чрезмерной» поэтике Н. С. Лескова // Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: Текстология и поэтика. М., 2011. С. 179–186.

⁸ Левшун Л. Философия творчества: «художество» и «хытрость» // Левшун Л. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2001. С. 37–46.

⁹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 197.

¹⁰ Там же. С. 199.

Описание иконы представляет собой тип религиозного экфрасиса. Сюжетные экфрасисные вставки — характерные свойства лесковского повествования. На иконе св. Николай «на одной руке держит храм, а на другой меч — «военное одоление», в котором, как подчеркивает рассказчик, «заключался смысл вещи»: «мценский Никола» «в особенности» был покровителем «торгового и военного дела». Туляки отслуживают молебен у иконы и у каменного креста, а возвратившись, затепливают лампадку перед Николиным образом в домике у Левши и только после этого начинают работать.

Сюжет Левши развивается как агиографический. Донской казак Платов, радеющий о русской славе, с Левшой ведет себя так, словно в него вселяется злая сила: бросает его к себе в коляску «вроде пубеля», сажает до времени в «крепостной каземат», бьет и таскает его за волосы, думая, что туляки «редкостную вещь испортили»¹¹. Левша смиренно выносит унижения, побои и тюрьму. Однако, убедившись в невиновности Левши и мастерстве туляков, меняет гнев на милость, называя Левшу вслед за государем «братцем», и всячески ему покровительствует. Во время разговора с государем выясняется «тайна» мастерства туляков, не «проронивших» слово государя и не обманувших его надежд. В награду за работу государь дает Левше новое послушание — отвезти подкованную блоху «назад, в Англию» «вроде подарка», «чтобы там поняли, что нам это не удивительно»¹².

Перед путешествием Левши Платов его крестит и благословляет, обещая прислать собственной кислярки в знак особого благоволения; граф Кисельвроде приказывает обмыть, остричь и одеть «в парадный кафтан с придворного певчего»¹³. Все эти «приготовления» по «обформированию» Левши имеют характер символического инициального обряда перед каким-то значительным событием.

Таким событием становится *вероисповедный разговор* Левши с англичанами в пятнадцатой главе. Этому разговору, казалось бы, противоречит «легкомысленное» поведение Левши во время его

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Там же. С. 207.

¹³ Там же.

путешествия в Англию: Левша пьет вино, заменяющее ему пищу, и распевает русские песни, соединяя их с французским припевом, то есть ведет себя как форменный «дурачок». Однако в соотношении с юродством такое поведение, напротив, выглядит образцовым. Кстати сказать, Левша пьет по пути в Англию, в самой Англии и по пути в Россию, то есть вне «родного пространства», воспринимаемого Левшой как святое.

В Англии он отказывается пить «горячий студинг» и зеленую водку. При встрече с англичанами Левша опасается, что вино может быть отравленным и отказывается пить первым. Пьет Левша, перекрестившись левой рукой, что вызывает удивление англичан. И поведение Левши, и его ответы соответствуют феномену юродства.

Англичане спрашивают у Левши, «где и чему учился и до каких пор арифметику знает?»¹⁴ Оказывается, что арифметики русские мастера не знают, а учатся все по Псалтири и Полусоннику. В чтении таких книг англичане не видят пользы, указывая, что при знании «арифметики» они бы смогли рассчитать, что машинка в нимфозории «ее подковок несть не может»¹⁵. «Наука» для Левши не обладает ценностью, поэтому Левша соглашается с англичанами и заявляет: «мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные»¹⁶. Абсолютной ценностью для Левши является вера, преданность отечеству. Разговор между англичанами и Левшой строится по принципу общения глухого с глухим. Англичане, не слыша Левши о преданности отечеству, предлагают ему остаться у них и получить «большую образованность».

Левша отказывается, ссылаясь на родителей, нуждающихся в его сыновней заботе, отклоняя предложение англичан взять на себя материальное попечение о них. Во всех ответах Левши англичанам фигурируют слова «родина» и «вера»: «Мы ... к своей родине привержены...а родительница старушка и привыкли в свой приход в церковь ходить»¹⁷.

¹⁴ Там же. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 210.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Левша говорит не только от себя, а от соборной личности, от всего верующего народа. На предложение англичан принять «их закон» и жениться, Левша отвечает категорическим отказом, подчеркивая вероисповедные смыслы: «...наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, также точно должны верить и потомцы»; «наши книги про против ваших толще, и вера у нас полнее»; «у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые главы и мощи»¹⁸.

Под конец разговора Левша отвергает не только английских дам, но и слишком сладкий чай. Выдержав все искушения, Левша соглашается остаться в Англии на короткое время, пока не обнаруживает непорядок с ружьями.

На морском пути в Россию «тоска» Левши по ней все возрастает, он допытывается у спутников: «Где наша Россия?» и «нетерпеливо в родную сторону смотрит»¹⁹. Россию Левша ощущает как Святую Землю. Обратный путь на родину является для Левши единственной сакральной целью. Можно сказать, что Левша совершает *обратное паломничество* к себе на родину. Ему не интересен сам «путь» в нее, в соответствии с канонам путешествия на Святую Землю²⁰. Он ведет себя как страдающий по своим родителям доверчивый ребенок. Из-за тоски он пьет с английским полшкипером на пути в Россию, так как «родного места за волною не видно — пари держать все-таки веселее будет»²¹. Оба допиваются до белой горячки, до видения в воде нечисти: англичанин видит «черта рыжего», а Левша темного, «как мурин»²².

Англичане щедро одаривают Левшу, но их подарки идут ему не впрок. Ослабевшего от пьянства и болезни, по возвращении в Россию Левшу грабят свои же люди, не соглашаясь принимать в больницу без «тугамента», пока избитого и умирающего не свозят в Обухвинскую больницу.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гуминский В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 63–65.

²¹ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 214.

²² Там же. С. 215.

Хлопочет о Левше его друг-полшкипер, но и в смертный час Левша думает не о себе, а о том, как секрет о ружьях передать государю. Ради Левши полшкипер бежит к графу Клейнмихелю и укоряет его:

«Разве так можно! У него...хоть и шуба овечкина, так душа человечкина»²³. Овца — символ агнца Божия. Левша тем самым оказывается воплощением христианской кротости. На стороне Левши, кроме полшкипера, оказываются имеющий «простые чувства» казак Платов, комендант Скобелев, русский доктор Мартын-Сольский, которому Левша перед смертью сообщает «военный секрет» для его передачи государю. Однако «злая сила» в лице графа Чернышева препятствует донесению секрета до государя. Военный министр с презрением воспринимает слова русского доктора и выгоняет его: «...не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть»²⁴. О словах Левши доктор вновь напоминает министру уже во время неудачной Крымской кампании, но и эти трагические обстоятельства, по сути, связанные с жизнью страны, не трогают государственного чиновника. Последующему военно-политическому поражению России в русско-турецкой войне Лесков, как видим, в сюжете «Левши» дает «легендарное» и вместе с тем реалистическое объяснение, основанное на понимании глубинных проблем русской государственной бюрократии.

Агиографический сюжет Левши завершается вполне канонически, в этом смысле трагизм его жития правильный и единственно верный. Христианин, прежде всего, думает о том, как спасти свою душу, а не жизнь как таковую, живя в контексте вечности. В критике же рассказ чаще всего воспринимается в аспекте гуманистических ценностей²⁵. Левша является художником-исповедником, зорко («без мелкоскопа») отделяющим «свое» от «чужого». «Мелкие гвоздики», выкованные Левшой для подковок, внешнему наблюдателю

²³ Там же. С. 216.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ См. работы: *Ранчин А.* «Левша» Лескова и русская национальная мифология // *Россия XXI.* 2018. №3. С. 114–141; *Кучерская М.* Лесков: Прозванный гений. М., 2021.

можно увидеть только с помощью «мелкоскопа», а сам мастер выполняет эту ювелирную работу, что называется, «на глаз»: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши»²⁶.

В плане религиозных смыслов перед нами история о юродивом герое-оружейнике, высшей ценностью которого является любовь святая вера, наполняющая сердце героя любовью к своему Отечеству. Лесков изображает любовь Левши к родной земле как свойство святости. Трагизм лесковского героя обусловлен не столько государственным несовершенством, хотя оно и обостряет этот трагизм, сколько онтологической открытостью героя-христианина, путь к воскресению которого лежит через личную Голгофу. На своей родной земле лесковский герой, как и подобает ученику Христа, терпит скорби. Несмотря на изъязны и пороки этой земли, Левша смотрит на нее глазами Христа, с кроткой любовью. «Родная земля» для Левши — это, прежде всего, святая земля с освященным на ней храмом, куда ходят его «тятенька» и «родительница».

Одна из главных тем Лескова — великое христианское сердце «простого» и худородного русского человека, воспринимаемого миром в качестве презренного дурачка. Именно таких любит лесковский Христос. Левше не нужно ничего, он живет своей любовью к родине, к ее святости. Эта любовь не может быть напрасной, она не получает награды на земле, потому что и не просит о ней. Напротив, земле необходима чистая, бескорыстная любовь таких, как Левша, призванных восполнить оскудение любви на земле.

История о юродивом герое не могла быть рассказана на языке литературной нормы, поэтому само лесковское повествование «рядится» в «юродские одежды». Вслед за мемуаристкой Л. Я. Гуревич, сравнившей «Запечатленного Ангела» с Собором Василия Блаженного, С. Н. Дурьлин распространяет этот храмовый образ на весь мир Лескова: «Вся его обстановка, как и его язык, все, что составляло его жизнь, было пестро, фантастично, неожиданно и цельно в самом себе, как единственный в своем роде храм Василия Блаженного, — самый

²⁶ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 207.

русский из русских храмов: восточный, как восточна Россия, покаянный («на крови») и вместе торжествующий (память Казани), как всегда покаянна и торжественна Россия, прибегающий под Покров Богоматери и вместе напоминающий о единственной возможной на Руси правде — правде из уст юродивого»²⁷.

Оттого так многообразны жанровые и иные литературные формы в «Левше» (сказ, легенда, сказка, житие, религиозный экфрасис, паломничество): их смешение также представляет собой род «литературного юродства»²⁸. Автор «Левши» тем самым словно стремится уподобиться своему юродивому герою, поддерживая его в подвиге смиренной и блаженной любви к родной земле.

Текст Лескова — это почти всегда святое «кружево» древнерусской словесности. В нем проявились и все характерные свойства церковно-книжного канона: теоцентричность/христоцентричность, храмовость, иконичность, литургичность (церковные службы, молитвы), христианский символизм, вероисповедность, сотериологичность.

Источники

Введенский А. И. Современные литературные деятели. Николай Семенович Лесков // Исторический вестник. 1890. № 5. С. 393–406.

Лесков Н. С. руском левше (Литературное объяснение) // Собр. соч.: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 11. С. 219–220.

Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2: Праведники (Рассказы). М.: Правда, 1989.

Лесков Н. С. Сказ о Тульском косом левше и о стальной блохе // Русь. 1881. №49–51.

²⁷ *Дурылин С.* Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // URL: <http://www.mirfilologa.ru/sergei-durilin/7-main/91-durylin-sn-nikolaj-semenovich-leskov-opyt-kharakteristiki-lichnosti-i-religioznogo-tvorchestva>. (дата обращения: 23.10.2023).

²⁸ *Мосалева Г. В.* Изюграфы русской словесности: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев. Ижевск, 2019.

Литература

- Гуминский В. М. Паломническая традиция в русской литературе путешествий // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск, 2009. С. 59–97.
- Дурылин С. Николай Семенович Лесков. Опыт характеристики личности и религиозного творчества // Режим доступа: <http://www.mirfilologa.ru/sergei-durilin/7-main/91-durylin-sn-nikolaj-semenovich-leskov-opyt-kharakteristiki-lichnosti-i-religioznogo-tvorchestva>. (дата обращения: 23.10.2023).
- Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. М., 2021.
- Левшун Л. В. Философия творчества: «художество» и «хыгтость» // Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск, 2001. С. 37–46.
- Мосалева Г. В. Феномен юродства в «чрезмерной» поэтике Н. С. Лескова // Лесковиана. Документальное наследие Н. С. Лескова: Текстология и поэтика. М., 2011. С. 179–186.
- Мосалева Г. В. Изографы русской словесности: А. Н. Островский, Н. С. Лесков, И. С. Шмелев. Ижевск, 2019.
- Ранчин А. «Левша» Лескова и русская национальная мифология // Россия XXI. 2018. №3. С. 114–141.
- Фаресов А. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904.
- Федотов Г. Юродивые // Федотов Г. Святые Древней Руси. СПб., 2004. С. 242–258.

Научное издание

Сборник материалов научно-богословской конференции
кафедры филологии Московской духовной академии
«Таинство слова и образа» (24–25 ноября 2022 года)

Редакционная коллегия:

проф. В. М. Кириллин
проф. М. С. Крутова
доц. свящ. Дмитрий Барицкий
доц. С. В. Бурмистрова
доц. Д. В. Макаров

Издательство Московской духовной академии
141300, Московская обл., Сергиев Посад,
Троице-Сергиева Лавра
publishing@mpda.ru

Формат 60×90/16. Печ. л. 31¾

ISBN 000